

ЧИСТОСЕРДЕЧНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Марья Чоглокова, видя, что черезъ девять мѣсяцевъ обстоятельства остались тѣже, каковы были до свадьбы, и бывъ отъ покойной Государыни часто бранена, что не старается ихъ перемѣнить, не нашла инаго къ тому способа, какъ обѣимъ сторонамъ сдѣлать предложеніе, чтобы выбрали по своей волѣ изъ тѣхъ, кого она на мысли имѣла. Съ одной стороны выбрали вдову Гротъ, которая нынѣ за артиллеріи генераль-поручика Миллера, а съ другой Сергѣя Салтыкова, и сего болѣе по видимой его склонности и по уговору мамы, которуя въ томъ наставляла великая нужда и надобность. По прошествіи двухъ лѣтъ Сергѣя Салтыкова послали посланникомъ, ибо онъ себя нескромно вель, а Марья Чоглокова у большого двора уже не была въ силѣ его удержать. По прошествіи года и великой скорби пріѣхалъ нынѣшній король Польскій, котораго отнюдь не примѣтили; но добрые люди заставили пустыми подозрѣніями догадаться, что онъ на свѣтѣ, что глаза были отмѣнной красоты и что онъ ихъ обращалъ, хотя такъ близорукъ, что далѣе носа не видитъ, чаще на одну сторону нежели на другія. Сей былъ любезень и любимъ отъ 1755 до 1761; но (по) тригодишней отлучкѣ, то есть отъ 1758 и старательству князя Григорія Григорьевича, котораго паки добрые люди заставили примѣтить, перемѣнили образъ мысли. Сей бы вѣкъ остался, есть-либъ самъ не скучалъ. Я же узнала въ самый день его отъѣзда на конгрессъ изъ Села Царскаго, и просто сдѣлала заключеніе, что, о томъ узнавъ, уже довѣрки имѣть не могу, мысль, которая жестоко меня мучила и заставила изъ дешперачіи выбрать кое-какой, во время котораго и даже до нынѣшняго мѣсяца я болѣе грустила нежели сказать могу, и никогда болѣе, какъ тогда, когда другіе люди бываютъ довольные, и всякое приласканье во мнѣ слезы возбуждало, такъ что я думаю, что отъ рожденія своего я столько не плакала, какъ сіи полтора года. Съ начала я думала, что привыкну, но что далѣе, то хуже; ибо съ другой стороны мѣсяцы по три дуться стали, и признаться надобно, что ни-

когда довольнѣе не была, какъ когда осердится и въ покоѣ оставить, а ласки его мнѣ плакать принуждали. Потомъ пріѣхалъ нѣкто богатырь. Сей богатырь по заслугамъ своимъ и во всегдашней ласкѣ прелестенъ былъ, такъ что слыша о его пріѣздѣ уже говорить стали, что ему тутъ поселиться, а того не знали, что мы письмецомъ сюда призвали непримѣтно его, однакоже съ такимъ внутреннимъ намѣреніемъ, чтобъ не вовсе слѣпо по пріѣздѣ его поступать, но разобратъ, есть ли въ немъ склонность, о которой мнѣ Брюсна сказывала, что давно многіе подозрѣвали, то есть та, которой я желаю, чтобъ онъ имѣлъ.

Ну, господинъ богатырь, послѣ сей исповѣди, могу ли я надѣяться получить отпущеніе грѣховъ своихъ? Изволите видѣть, что не пятнадцать, но третья доля изъ сихъ. Перваго по неволѣ, да четвертаго изъ десперации. Я думала, на счетъ легкомыслія поставить никакъ не можно, а трехъ прочихъ, если точно разберешь, Богъ видитъ, что не отъ разстройства, къ которой никакой склонности не имѣю, а есть либъ я въ участь получила съ млода мужа, котораго бы любить могла, я бы вѣчно къ нему не перемѣнилась. Бѣда та, что сердце мое не хочетъ быть ни на часъ охотно безъ любви. Сказываютъ, такой пороки людскіе покрыть стараются, будто сіе происходитъ отъ добросердечія, но статья можетъ, что подобное диспозиція сердца болѣе есть порокъ нежели добродѣтель. Но напрасно я сіе къ тебѣ пишу, ибо послѣ того возлюбишь или не захочешь въ армію ѣхать, боясь, чтобъ я тебя позабыла; но право не думаю, чтобъ такое глупость сдѣлала, а есть ли хочешь на вѣкъ мнѣ къ себѣ привлекать, то покажи мнѣ столько дружбы какъ и любви, а наипаче люби и говори правду.

Изъ бумагъ Н. К. Шиллера. Напечатано въ XII-мъ томѣ Академическаго изданія Сочиненій Екатерины Второй.

